УДК [070:93](470)Севастополь

Леписевич Н.З.

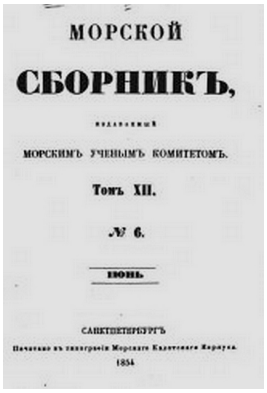
Повседневная жизнь Севастополя во второй половине 50-х — начале 60-х годов XIX века в освещении журнала «Морской сборник»

Леписевич Наталья Зеноновна, аспирант кафедры исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь)
E-mail: nata-lepisevich@yandex.ru

В статье рассмотрены публикации журнала «Морской сборник» – уникального источника по истории повседневной жизни Севастополя второй половины 50-х – начала 60-х гг. XIX в. Обсуждаются представленные на страницах издания малоизвестные эпизоды истории главной базы Черноморского флота.

Ключевые слова: «Морской сборник», Севастополь, источник, повседневность, Черноморский флот, Великий князь Константин Николаевич.

На протяжении всей своей истории журнал «Морской сборник» выполнял функции как летописного свода деятельности отечественного флота, так и всесторонней энциклопедии по вопросам функционирования всех крупных портов России. Разумеется, не были исключением приморские города Крыма, особое место среди которых отводилось Севастополю. Благодаря публикациям флотского журнала читатели Российской империи узнавали о героических защитниках города в дни Крымской войны, о легендарных флотоводцах, проявлявших свои таланты на Черном море, об одной из старейших в государстве специализированной Морской офицерской библиотеке. Колоссальные информационные возможности «Морского сборника» как исторического источника позволяют реконструировать отдельные этапы из жизни Севастополя и других приморских городов Крыма.


МОРСКОЙ
СБОРНИКЪ,
МОРСКИМЪ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ.
Томъ XII.
№ 6.
ІЮНЬ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1854

Обложка «Морского сборника» (июнь 1854)

Великий князь Константин Николаевич (1827–1892), генерал-адмирал, второй сын Николая I

Одним из наименее изученных периодов истории Таврической губернии является десятилетие, охватывающее вторую половину 50-х и начало 60-х гг. XIX в., то есть время от окончания Крымской войны до апогея Великих реформ императора Александра II. Этот хронологический отрезок во многом совпадает с расцветом «Морского сборника» и пиком могущества покровителя журнала – великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича.

Представитель правящей династии долгое время руководил Морским ведомством. Период его управления был ознаменован рядом реформ: сокращением наличного состава береговых команд, упрощением делопроизводства, учреждением эмеритальных касс и пенсий для отставников. Помимо этого сокращался срок военной службы, отменялись телесные наказания, увеличивалось содержание офицеров, в короткие сроки модернизировался флот. При проведении реформ все насущные вопросы открыто обсуждались на страницах «Морского сборника», где также публиковались отчеты различных департаментов ведомства[1].

Флотский журнал был любимым детищем Константина Николаевича. Известный российский историк Степан Федорович Огородников справедливо назвал великого князя «душой «Морского сборника», главным его руководителем и вдохновителем»[2]. Глава Морского ведомства вникал во все аспекты деятельности редакции журнала, периодически вмешиваясь в ее работу. Одним из предложений Константина Николаевича стало создание сети постоянных корреспондентов во всех главных портах Российской империи. Необходимым считалось сделать авторами журнала служивших в этих городах офицеров и выделять им плату из средств «Морского сборника». Впоследствии планировалось создать корреспондентские отделения журнала за границей[3]. Таким образом, у «Морского сборника» появились сотрудники в

[1] Паничкин В. Реформы в Морском министерстве и роль в их проведении великого князя Константина Николаевича // Морской сборник. 2009. № 12. С. 59–67.
[2] Огородников С.Ф. 50-летие журнала «Морской сборник» (1848–1898 гг.) // Морской сборник. 1898. Т. 283. № 1. С. 137–139. Огородников Сергей Федорович (1835/1836–1909) – историк, исследователь отечественной морской и военно-морской истории.
[3] Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 224. Оп. 1. Д. 290. Л. 246–251 об.

крупнейших портах Крыма – в Севастополе и Феодосии.

Еще до появления корреспондентской сети в журнале начали появляться материалы о послевоенной жизни Севастополя. Наиболее острой проблемой был вопрос об очистке местной гавани от остатков затопленных судов, которые затрудняли возможности использования бухты. О том, какое значение уделялось этой теме, свидетельствует обилие материалов, появившихся на страницах флотского издания. Органы государственной власти решили привлечь к делу ответственных подрядчиков, для чего в ряде печатных изданий, в том числе и в «Морском сборнике», были опубликованы кондиции (требования) к претендентам. Предполагалось, что очистка должна начаться с середины рейда, по створу маяков, что обезопасило бы вход в порт. Корабли требовалось поднимать поочередно, по согласованию с местным начальством и, по возможности, целыми, поскольку предполагалось дальнейшее использование судов. Если же условий для этого не было, затопленные объекты можно было взрывать и вынимать из-под воды по частям. Половину веса добытых при подъеме меди, железа, чугуна, годной пеньки и деревянных вещей предполагалось передавать рабочим в качестве вознаграждения за труды и издержки. В кондициях оговаривались и другие вопросы оплаты за произведенные в бухте работы[1].

Севастополь. Окрестности Графской пристани после Крымской войны.

Севастополь после Крымской войны. Вид на бухту.

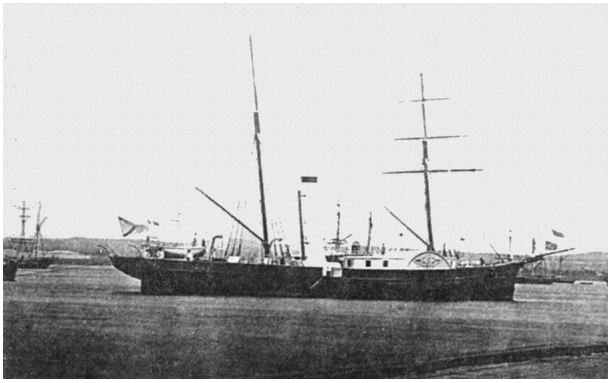
Вид на Севастопольскую бухту с частями затопленных кораблей

Осветил сложившуюся в гавани Севастополя ситуацию и предложил технические средства для поднятия кораблей лейтенант 37-го флотского экипажа Д. Афанасьев. Согласно приведенным им сведениям, на севастопольском рейде в конце 1856 г. находилось до семидесяти затопленных судов. Многие из них еще можно было использовать, что показало поднятие парохода «Херсонес» и нескольких других транспортов. Поскольку корреспондент «Морского сборника» был участником затопления, он давал оценку состояния кораблей и предлагал варианты по решению ситуации. По мнению Д. Афанасьева, такие линейные корабли, как «Париж», «Ягудиил», «Великий князь Константин», «Императрица Мария» и «Чесма», пролежали в воде две зимы в наклонном положении и негодны для дальнейшей службы. При этом корабль «Храбрый», фрегат «Кулевчи», пароходы «Владимир», «Бессарабия», «Громоносец», «Одесса», «Крым» и «Турок» стояли прямо и сохранили целостность. Другие малогабаритные суда, с точки зрения лейтенанта, также должны были выдержать действие зыби, несмотря на обнесение илом и песком.

Д. Афанасьевым были рассмотрены несколько вариантов очистки бухты в Севастополе. Использование камелей (парных понтонов) он считал нецелесообразным из-за дороговизны этих конструкций и невозможности поднимать с их помощью накренившиеся суда. Взрывы затопленных кораблей могли еще больше засорить рейд и сделать невозможным вход в гавань. Оптимальным вариантом автор считал использование наполняемых воздухом парусиновых мешков, пропитанных каучуком, чертеж которых был приложен к публикации. Один такой мешок мог поднимать грузы до 150 пудов весом. По замыслу моряка, применение этого метода могло помочь в короткий срок решить проблему и сохранить ценные материалы, уцелевшие на кораблях[2].

Далеко не сразу выбор Черноморского интендантства остановился на фигуре уроженца Бостона и американского подданного Джона Гоуэна (John E. Gowen)[3]. Подробно осветил все предложенные варианты и дальнейшее проведение работ по подъему кораблей лейтенант Павловский, выступивший с циклом публикаций на эту тему[4]. В качестве источников он использовал извлечения из дел Черноморской кораблестроительной экспедиции, журнала работ американцев, который вел подпоручик Леонард, донесений Генеральной комиссии. Лейтенант указывал, что первые суда, включая пароход «Херсонес», были подняты присланными из Николаева портовыми средствами. В качестве вариантов подъема

[1] Кондиции на поднятие и разборку затопленных на Севастопольском рейде кораблей, фрегатов и прочих судов, и с них вещей // Морской сборник. 1856. Т. 25. № 12. С. 34–37.
[2] Афанасьев Д. О поднятии судов, затопленных на Севастопольском рейде // Морской сборник. 1856. Т. 25. № 13. С. 92–97.
[3] Очищение Севастопольского рейда // Морской сборник. 1858. Т. 34. № 4. С. 133.
[4] Павловский. Очистка Севастопольской бухты // Морской сборник. 1860. Т. 45. № 2. С. 29–64; То же. 1862. Т. 62. № 10.. С. 144–156; То же. Т. 63. № 12. С. 335–350.



Линейный корабль «Трок», поднятый 4 июля 1858 г. и почти не пострадавший за время пребывания под водой

кораблей рассматривалось предложение использование мешков из гуттаперчи, упомянутых в проекте офицера нидерландского флота Кейхениуса, а также план неаполитанских водолазов Товиа Джиордано и Иосифа Пиполо, которые настаивали на частичном подъеме материалов со дна бухты. Невыгодность для казны этих инициатив привела к их отклонению. Объявленный государством конкурс также не выявил желающих поднимать корабли в Севастополе. Предложение проживавших в Одессе иностранцев Августа Морена и Гибо не нашли поддержки.

Единственным устроившим всех подрядчиком оказался американец Д. Гоуэн. Его компания имела необходимый технический инструментарий: пять паровых машин, четыре плавучих дока и водолазные приборы. Кроме того, компания Д. Гоуэна имела опыт подъема фрегата «Миссури», затонувшего в 40-х гг. XIX в. на Гибралтарском рейде. 27 октября 1856 г. был подписан контракт, регламентировавший права и обязанности сторон. Дополнительно Д. Гоуэну было разрешено беспошлинно ввозить провизию и инструменты. Постоянным поводом для разногласий впоследствии становился вопрос о разделе поднимаемого материала между государством и частной компанией.

В апреле 1857 г. команда Д. Гоуэна начала работы в Севастополе. Они шли медленно и не вполне устраивали флотское командование. В свою очередь, американский подданный не раз обращался к нему с представлениями о невыгодности условий контракта. Гоуэн обязывался окончить работы к 1 ноября 1860 г. Важность поставленной задачи вынуждало государственные структуры постоянно идти на уступки подрядчику и выделять всё новые льготы. При этом Гоуэн, которого Н.И. Закревский[1] называл «образцовым американцем», был, по мнению Закревского, «изворотлив до наглости, интересен до бесстыдства», регулярно выплачивал штрафы за невыполнение работ в установленные сроки.

Хотя изначально не планировалось взрывать затонувшие корабли, но после тщательного осмотра оказалось, что только таким средством можно очистить бухту от них. 15 кораблей было уничтожено с помощью донных взрывов. К 1 января 1860 г. бухта была очищена от 53 судов. В 1861 г. Д. Гоуэн был освобожден от работ с возмещением ему небольшой суммы компенсации (в то е время Морское управление простило ему контрактные неустойки) Автор «Морского сборника» считал важным упомянуть о пожертвовании американцем двух тысяч рублей в пользу неимущих, служивших на затопленных кораблях. Также сообщалось об инициативе купца первой гильдии Петра Андреевича Телятникова доставать предметы со дна бухты Севастополя, что и было впоследствии реализовано. К материалам лейтенанта Павловского прилагались описание средств по производству работ и чертежи использовавшихся механизмов.

В начале 60-х гг. XIX в., в соответствии с пожеланиями великого князя Константина Николаевича, в журнале стали публиковаться письма из крымских портов. Первые из них были краткими и касались преимущественно природных катаклизмов. Так, Н. Вейс сообщал об урагане в Севастополе 23–24 ноября 1861 г. и о наводнении в районе Херсонесского маяка[2].

Одним из постоянных авторов «Морского сборника» был севастопольский городской военный врач Никифор Иванович Закревский, чьи мемуарные публикации стали настоящим украшением журнала. Вместе с тем, он регулярно отправлял в редакцию издания свои корреспонденции, зафиксировавшие характеристику событий повседневной жизни порта. В своем письме, опубликованном в первом номере «Морского сборника» за 1863 г, Н.И. Закревский постоянно сравнивал развитие Севастополя и Феодосии, которая после Крымской войны восстанавливалась более активно[3]. Корреспондент отмечал общее похолодание, несвойственное крымским портам. По его словам, «Нахимов в шубе не ходил».

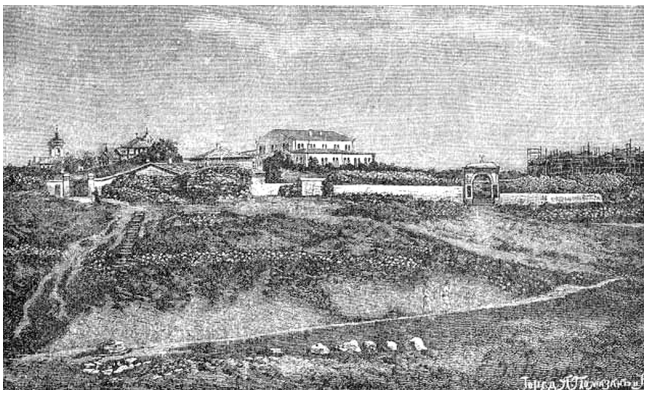
К числу главных событий зимы 1862 г. Н.И. Закревский относил крушение парохода «Орест» и приводил некоторые подробности этого события. Корабль, шедший с Кавказа в Феодосию, попал в очень тяжелую ситуацию: к мощному северо-восточному ветру прибавился плотный туман, лишивший судно возможности безопасно прибыть в конечный пункт маршрута. На борту «Ореста» находилось 60 пассажиров и 27 человек команды. Учитывая невозможность продолжать путь, капитан принял решение укрыться за мысом Чауда на Керченском полуострове. Этого не удалось сделать, поскольку судно село на мель и постепенно началось его оледенение. В этой ситуации капитан решил отпустить пассажиров на берег, снабдив их картами и теплой одеждой. В условиях непрекращающейся метели люди так и не смогли найти укрытия. От холода погибло около тридцати человек.

26 декабря 1862 г. в городе вновь были зафиксированы резкие холода. Суровая погода способствовала тому, что многие торговые корабли предпочли не оставаться в Севастополе на зимовку, а ушли в Николаев. Особенно тяжело переживали непогоду жители Малого бульвара, который располагался на главном городском холме. Среди старожилов города это место называлось «хребтом беззакония» из-за жившей там бедноты. По причине отсутствия регулярной коммуникации с другими портами продукты в Севастополе стоили дороже, чем в других крымских городах. Попрежнему город будоражили слухи о катастрофе парохода «Орест» и судьбе его пассажиров. В корреспонденции также присутствует один из наиболее популярных в журнале сюжетов – финансирование и варианты строительства в Крыму железной дороги[4]. При этом, как позволяют судить материалы «Морского сборника», в Севастополе, несмотря на годы, прошедшие с момента окончания войны, возникали сложности с трудоустройством.

Невзирая на все трудности, в начале 60-х гг. XIX в. город постепенно начал возрождаться. Корреспондент отмечал

[1] Закревский Никифор Иванович (1806–1854) – морской врач, мемуарист.
[2] Вейс Н. Севастополь // Морской сборник. 1862. Т. 58. № 3. С. 70–73.
[3] Закревский Н. Севастополь: его существенное в настоящем и будущем – в предположениях // Морской сборник. 1863. Т. 64. № 1. С. 20–23.
[4] Закревский Н. Севастополь // Морской сборник. 1863. Т. 64. № 2. Отд. Совр. обоз. С. 96–101.

появлявшиеся в городе капитальные постройки, к которым он относил монастырь во имя Св. Владимира в Херсонесе и храм Св. Владимира над могилами адмиралов М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, В.И. Истомина и П.С. Нахимова. В монастыре к тому времени уже были возведены основательные здания, а для второго полным ходом шла заготовка строительных материалов, причем, по свидетельству Н.И. Закревского, камень разбирался из развалин здания Морской офицерской библиотеки, пострадавшего в дни Крымской войны.



Вид монастыря в Херсонесе Таврическом в 60х гг. XIX в. Справа виден строящийся собор Св. Владимира

Возведение храма в Херсонесе, на предполагаемом месте крещения князя Владимира, было насущной потребностью Севастополя, первые мысли о которой стали возникать еще до Крымской войны, было. В 1858 г. в «Морском сборнике» было опубликовано обращение к читателям о приеме пожертвований на строительство культового сооружения и создание при нем инвалидного дома для увечных и престарелых граждан[1]. Через пять лет высочайше утвержденный Комитет по сооружению храма святого равноапостольного князя Владимира в Херсонесском первоклассном монастыре вновь просил внести лепту на благое дело и подробно обосновывал значение этого места для русского православия[2].

Журнал в рассматриваемый период поддерживал память о событиях и героях Крымской войны. Помимо многочисленных мемуарных публикаций, это были также статьи о севастопольских топонимах, связанных с ходом боевых действий. Среди них особо выделяется работа «Происхождение названия Малахова кургана в Севастополе», вышедшая под псевдонимом «Один из числа немудрых мира сего»[3]. Она стала ответом на материал журнала «Русский архив», в котором утверждалось, что Малахов курган получил свое название от штурманского офицера Александра Ивановича Малахова, любившего выпить и в таком состоянии поспать на кургане, где после изгнания со службы открыл лавочку или харчевню. Автор «Морского сборника» убедительно доказывал, что наименование объекта восходит к капитану Михаилу Михайловичу Малахову, служившего также базарным инспектором в Корабельной слободке. Ему нередко приходилось решать конфликты, возникавшие между покупателями и продавцами, а функции гласного суда и лобного места выполнял ближайший к рынку курган. Также Михаил Михайлович Малахов любил отдыхать здесь после охоты, предпочитая уединенное место душным комнатам дома. Отметим, что сегодня именно версия, опубликованная в «Морском сборнике», считается наиболее правдоподобной и используется в краеведческой литературе.

Малахов курган. Фото 1856 г.

Послевоенный вид Севастополя

Городскому некрополю посвящена статья «Кладбища в Севастополе», представляющая собой перепечатку из журнала «Художественный листок»[4]. Безымянный автор публикации отметил беспрецедентность главных событий Крымской войны: «Осада и оборона Севастополя истинно изумительны по материальным средствам, употребленным при том воюющими, и по духу мужества, ими оказанного». Далее он указывал на колоссальное количество использованных во время осады боеприпасов, приводя такие цифры: только со стороны оборонявшихся за период с 5 октября 1854 г. по 27 августа 1855 г. было выпущено 1386608 снарядов разного калибра суммарным весом в 1405249 пудов, а пороха было употреблено 205810 пудов. Из этого делался следующий вывод: «Числа громадные, неимоверные, каких не может представить ни одна оборона, бывшая дотоле в мире, и едва ли общий итог всех защит крепостей превзойдет эти колоссальные смертоносные средства!». Автор объяснял большое число потерь тем, что вражеские средства превосходили российские, а в городе не существовало надежных укрытий от артиллерийского огня. Усиливало эмоциональный эффект подробное описание нескольких примеров самоотверженности участников обороны Севастополя и их матерей, а также приведение таких выразительных деталей, как груды мертвых тел, лежавшие на Павловском мыске и Николаев-

[1] Прием пожертвований для сооружения на развалинах Херсонеса храма Св. Владимира и инвалидного дома для увечных и престарелых граждан // Морской сборник. 1858. Т. 34. № 3. С. 183.
[2] От комитета высочайше утвержденного по сооружению храма Св. равноапостольного князя Владимира в Херсонесском первоклассном монастыре // Морской сборник. 1863. Т. 64. № 2. С. 86–91.
[3] Один из числа немудрых мира сего. Происхождение названия Малахова кургана в Севастополе // Морской сборник. 1868. Т. 95. № 3. С. 60–63.
[4] Кладбища в Севастополе // Морской сборник. 1856. Т. 22. № 6. С. 92–106.

ской батарее для перевозки их к кладбищам Северной стороны. После краткого рассказа о погребении адмиралов П.С. Нахимова, В.А. Корнилова и В.И. Истомина во Владимирском соборе, автор освещал комплекс погребений на Северной стороне. Всего там было создано три кладбища, каждое из них имело отделения, на которых хоронили моряков, инженеров, артиллеристов и пехотинцев, группируя могилы в зависимости от полков погребенных. В правом углу западного кладбища, находившегося между Волоховой башней и Северным укреплением, под однотипными дубовыми крестами нашли последний приют офицеры, вокруг их могил были упокоены матросы. На некоторых могилах из неприятельских гранат и бомб были выложены кресты. Первый такой крест был сложен по предложению адмирала Истомина на месте гибели Корнилова. Пустые снаряды с отверстиями от порывов ветра производили унылый гул, в котором автор статьи услышал «немолчное отпевание и жалобный плач родных по убитым». На восточном кладбище, у дороги, ведущей к Инкерманской позиции, находились могилы убитых инженеров. Среди похороненных здесь назывались георгиевский кавалер капитан Тонагель, заведовавший инженерными работами на 4-м бастионе, инженер-капитан Ахбауер, подполковник Тржетржевинский, капитан Генерального штаба Лавров и др. Далее автор статьи указывает на наиболее значимые, по его мнению, захоронения на восточном и западном кладбищах, отдельно выделив могилу Прасковьи Ивановны Графовой, пожилой женщины, приехавшей в Севастополь из Санкт-Петербурга и погибшей на Малаховом кургане. После этого приводились сведения о подвигах лиц, павших при обороне Севастополя, но по воле родных погребенных не в общей усыпальнице. К ним отнесены флигель-адъютант и гвардии ротмистр Платон Александрович Воейков и командир 10-й артиллерийской бригады полковник Яков Николаевич Загоскин.

Помимо кладбищ русских воинов журнал уделял внимание и захоронениям союзников. Сведения о них можно почерпнуть из письма вышеупомянутого американского полковника Джона Гоуэна к одному из его знакомых в Лондон[1]. Он писал, что на свои средства построил пять новых каменных оград вокруг английских кладбищ, которые находились «в самом жалком состоянии». Причиной этого военный считал назначение британским консулом в Одессе Морреем смотрителя из местного населения, который не знал иностранных языков. Джон Гоуэн ссылался на мнение английских путешественников, которые удивлялись, что надзор за захоронениями не был поручен какому-нибудь англичанину, из числа живших в крымских портах, поскольку такой человек с гордостью бы охранял место упокоения своих соотечественников. Полковник отмечал, что назначенный смотритель получал 100 фунтов стерлингов в год и ничего не делал, а из 72 английских кладбищ вокруг Севастополя знал около двенадцати. Джон Гоуэн писал, что лично посадил вокруг различных военных некрополей триста деревьев и получил из Императорского ботанического сада в Никите еще сто саженцев, которыми также намеревался украсить территорию захоронений.

Таким образом, журнал «Морской сборник» является уникальным источником по истории повседневной жизни Севастополя во второй половине 50-х – начале 60-х годов XIX века. На страницах издания подробно освещены малоизвестные эпизоды истории главной базы Черноморского флота. К безусловным достоинствам печатного органа стоит отнести авторский круг, в который входили офицеры-специалисты в технических вопросах и наблюдательные горожане, не лишенные литературного таланта. Желание покровителя «Морского сборника», великого князя Константина Николаевича, видеть на страницах журнала актуальные материалы и корреспонденции из портов позволило им публиковать статьи на важные темы. К таковым следует отнести многочисленные попытки очистки бухты Севастополя от затопленных кораблей, природные катаклизмы и катастрофы, городское строительство, топонимика и некрополистика. Многие приведенные в журнале факты являются едва ли не единственными достоверными свидетельствами о жизни города в рассматриваемый период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 224. Оп. 1. Д. 290. Л. 246–251 об
2. Афанасьев Д. О поднятии судов, затопленных на Севастопольском рейде // Морской сборник. 1856. Т. 25. № 13. С. 92–97.
3. Вейс Н. Севастополь // Морской сборник. 1862. Т. 58. № 3. С. 70–73.
4. Закревский Н. Севастополь // Морской сборник. 1863. Т. 64. № 2. С. 96–101.
5. Закревский Н. Севастополь. Его существенное в настоящем и будущем – в предположениях // Морской сборник. 1863. Т. 64. № 1. С. 20–23.
6. [Из письма полковника Гоуена] // Морской сборник. 1861. Т. 51. № 4. С. 226–227.
7. Кладбища в Севастополе // Морской сборник. 1856. Т. 22. № 6. С. 92–106.
8. Кондиции на поднятие и разборку затопленных на Севастопольском рейде кораблей, фрегатов и прочих судов, и с них вещей // Морской сборник. 1856. Т. 25. № 12. С. 34–37.
9. Огородников С.Ф. 50-летие журнала «Морской сборник» (1848–1898 гг.) // Морской сборник. 1898. Т. 283. № 1. С. 137–139.
10. Один из числа немудрых мира сего. Происхождение названия Малахова кургана в Севастополе // Морской сборник. 1868. Т. 95. № 3. С. 60–63.
11. От комитета высочайше утвержденного по сооружению храма Св. равноапостольного князя Владимира в Херсонесском первоклассном монастыре // Морской сборник. 1863. Т. 64. № 2. С. 86–91.
12. Очищение Севастопольского рейда // Морской сборник. 1858. Т. 34. № 4. С. 133.
13. Павловский. Очистка Севастопольской бухты // Морской сборник. 1860. Т. 45. № 2. С. 29–64.
14. Павловский. Очистка Севастопольской бухты // Морской сборник. 1862. Т. 62. № 10. С. 144–156.
15. Павловский. Очистка Севастопольской бухты // Морской сборник. 1862. Т. 63. № 12. С. 335–350.
16. Паничкин В. Реформы в Морском министерстве и роль в их проведении великого князя Константина Николаевича / В. Паничкин // Морской сборник. 2009. № 12. С. 59–67.
17. Прием пожертвований для сооружения на развалинах Херсонеса храма Св. Владимира и инвалидного дома для увечных и престарелых граждан // Морской сборник. 1858. Т. 34. № 3. С. 183.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Леписевич, Н. З. Повседневная жизнь Севастополя во второй половине 50-х – начале 60-х годов XIX века в освещении журнала «Морской сборник» / Н.З. Леписевич // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19—20). — С. 262—266. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provr_st1_2-19_20.2015.82.

[1] [Из письма полковника Гоуена] // Морской сборник. 1861. Т. 51. № 4. С. 226–227.